

Т.Д. Савченко

Стилистическое использование паремий в современном русском языке

Возрастающий интерес филологов к различного рода устойчивым речеобразованиям – афоризмам, молодежному, компьютерному сленгу, а также пословицам и поговоркам, наблюдаемый в настоящее время, совсем неслучаен: ученые пытаются увидеть особую национальную специфику мировосприятия того или иного народа или, наоборот, стремятся проследить универсальные категории, общечеловеческие принципы, присущие различным этническим картинам мира. Паремии позволяют лучше понять духовный мир человека, прикоснуться к сокровищнице мудрости народа.

Коммуникативно-прагматический потенциал паремических единиц, активное использование их в художественном дискурсе, с одной стороны, в сочетании с недостаточной изученностью пословиц и поговорок в качестве характеристики действия, конфликтогена – с другой – обуславливают современные лингвистические исследования.

Говоря о месте и роли паремии в текстах современной русской литературы, необходимо отметить отсутствие согласия во взглядах современных филологов на определение термина. Так, Ф.И. Никоновой [1]

предлагает называть паремиями в собственном смысле только те устойчивые и воспроизводимые единицы со структурой предложения, которые имеют не любое назидательное, а духовно-нравственное, этическое содержание. При этом, на взгляд Ф.И. Никоновой, к числу паремий можно отнести только те изречения, источником которых является Священное Писание. Очевидно, следует согласиться, что характеризующиеся Ф.И. Никоновой изречения в современном русском языке могут быть признаны ядром системы паремий, тем более что они имеют в русском языке хождение в устной речи и используются именно в дидактических целях.

В понимании Л.Б. Савинковой [2] паремия – это устойчивое в языке, воспроизводимое в речи анонимное изречение со структурой предложения, пригодное для употребления в дидактических целях. Некоторым исследователям такое толкование кажется неоправданно расширительным. Тем не менее, порой граница, отделяющая собственно библейский (в первую очередь евангельский) текст как источник паремии от изречений, возникших в речи носителей христианской религии, оказывается довольно зыбкой. Вероятно, следует признать, что именно христианство с опорой на Священное Писание формировало определенный тип сознания в целом и морали в частности. Но вряд ли можно утверждать, будто все морально-этические дидактические изречения имеют источником только Священное Писание. Между тем язык обнаруживает значительный пласт устойчивых фраз, опирающихся на христианскую мораль.

Так, в «Толковом словаре...» и сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля [2] обнаружено 135 устойчивых фраз, осуждающих злых людей и зло как проявление нелюбви. В целом они соответствуют по высказываемым мыслям Евангелию, рекомендуя сторониться зла, не давать ему овладеть собой. В этих изречениях осуждается агрессивность, предупреждается, что зло оборачивается против того, кто его замышляет или творит злые дела: *Злой человек не проживет в добре век; Во зле жить – по миру ходить; Сердцем копья у недруга не переломить.* Довольно активно развивается мысль о возмездии за содеянное зло: *На немилостивых ад стоит; Злому человеку не прибавит Бог веку; На зачинщика Бог* и т.д. Ср. также два приводимых ниже изречения, о которых едва ли можно сказать, что оба они вышли из евангельского текста, в то время как значительную семантическую близость их почувствовать несложно: *Муж и жена – едина плоть и кровь* и *Муж и жена – одна сатана.*

О.С. Ахманова считает термин паремия родовым, объединяющим понятия пословицы и поговорки [3].

В отношении пословицы и поговорки кажется рациональной по-

зиция В.П. Жукова, определившего поговорку как «краткое изречение, имеющее одновременно буквальный и переносный (образный) план или только переносный план и составляющее в грамматическом отношении законченное предложение», а поговорку как «краткое изречение, нередко назидательного характера, имеющее, в отличие от поговорки, только буквальный план и в грамматическом отношении представляющее собой законченное предложение». Однако есть еще два важных признака, которые, думается, необходимо упомянуть в обоих определениях. Это признаки воспроизводимости и анонимности, которые являются обязательными как для поговорок, так и для поговорок.

Поскольку логическую основу паремии составляют единицы уровня более сложного, чем уровень понятия, – суждение, побуждение, – постольку, естественно, она не может вести себя в тексте так же, как слово или фразеологическая единица. Паремия выступает в роли элемента не отдельного предложения, а сложного синтаксического целого, или сверхфразового единства.

Применительно к художественной речи более удачным, чем «сложное синтаксическое целое», представляется термин Г.Я. Солганика – прозаическая строфа, который позволяет подчеркнуть, что целостность текста достигается не только синтаксическими связями отдельных предложений, но и наличием в нем логико-тематических объединений, «небезразличных», по выражению исследователя, к стилю произведения или его фрагмента. Именно прозаическая строфа, по Г.Я. Солганику, оказывается минимальной единицей, отражающей идиостиль автора.

Под паремиями в настоящее время понимаются устойчивые в языке и воспроизводимые в речи изречения с синтаксической структурой предложения, пригодные для употребления в дидактических целях. В большинстве своем паремии анонимны, хотя связь с текстом-источником в отдельных случаях легко прослеживается. Так, кажется равным образом возможным отнести к кругу паремий поговорку, изречения из Священного Писания, обладающие признаками общеизвестности и дидактичности.

Паремии устойчивы и воспроизводятся в речи наравне со словами и фразеологическими единицами, служат знаками типовых ситуаций и выступают в качестве элементов языковой системы, участвующих в создании целостной структуры текста. Их функционирование в речи имеет свои особенности в соответствии с жанровым своеобразием речевых произведений. В системе вторичных жанров, к которым, согласно теории М.М. Бахтина, относятся все жанры художественной речи, различие в употреблении паремий оказывается очевидным.

Современная художественная литература использует паремии как экспрессивное средство. При этом, естественно, образ, созданный или

воплощенный в пословичной формуле, продолжает жить в художественном тексте. В прозаическом тексте они, как правило, вплетаются в ткань художественной речи, выполняя функцию частной характеристики (к примеру, сущностной квалификации или прагматической оценки отдельной ситуации, поведения персонажа, его социальной или речевой характеристики и др.), которую дает автор произведения, рассказчик либо действующее лицо, ср.: «Еще на подходе, из-за кустов увидели свет мелькающих фар, услышали мужские голоса. Сердце у обоих зачастило, дрожь проняла до пяток! Решили, что до их заначки добрались, шуруют ее! Если уж отыскивали в спальне под досками, отчего же не найти на берегу?! Но, еще приблизившись, поняли: заначка их ни при чем. Как говорят: *кто о чем, а вишивый о бане!* Просто солдаты на мотоциклах приехали, на берегу на отдых стали» (А. Приставкин. «Ночевала тучка золотая...»).

Библиографический список

1. Никоновайте Ф.И. О грамматическом содержании предиката евангельской паремии // ФН. 1997. № 3. С. 58.
2. Савинкова Л.Б. Паремия в структуре прозаической строфы в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Проблемы грамматической стилистики. Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов-на-Дону: УПЛ РГУ, 1997. В. 1. С. 14-16.
3. Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Наука, 1997. С. 74.
4. См. ее определение понятия паремиологический словарь: «англ. dictionary of proverbs. Словарь пословиц и поговорок» (Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 421).
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1966. С. 11.
6. Горбань И.В. Роль паремий в речевых актах (на материале языка художественной литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 26 с.